ОГОНЕКЪ

Иллюстрированное Обозрѣніе
общественной и политической жизни, наукъ и изящныхъ искусствъ
ПРИЛОЖЕНІЕ
къ „ИЛЛЮСТРИРОВАННЫМЪ БИРЖЕВЫМЪ ВѢДОМОСТЯМЪ".

№ 30 | Воскресенье, 14 (27) августа 1905 г. | № 30

Воспоминанія и мемуары.

Рай для бюрократіи.—Порядокъ и благоустройство.—Розги и кнутъ, какъ проводники культуры.—Радушный пріемъ.—„Губернское правительство" и крамола.—Безмолвное повиновеніе.—Воры и воришки.—Толстыя стѣны.—Параллели.—Разсказъ очевидца.—Послѣдній день.—Жертвы искупительныя.—

I.

Сибирь въ началѣ XIX вѣка была настоящимъ раемъ для бюрократіи. Кисельные берега и молочныя рѣки манили въ далекій край искателей легкой наживы—данниковъ двадцатаго числа.

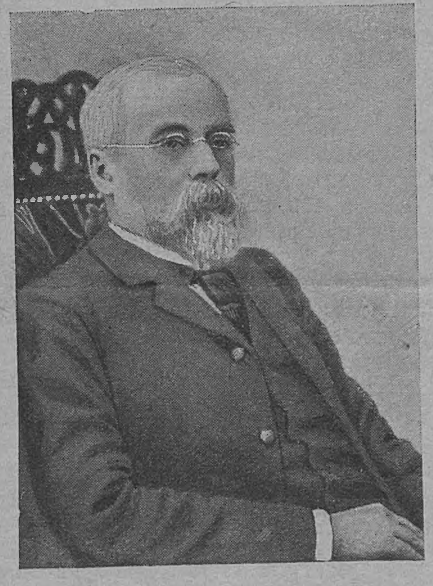
Генералъ-губернаторы, въ силу инструкціи 1803 года, принялись за насажденіе въ темномъ царствѣ культуры, или по-русски „порядка и благоустройства". Они должны были пріучить народъ къ повиновенію, искоренять скопища и комплоты, доносы и ябеды.

Сибирскій генералъ-губернаторъ былъ полновластнымъ диктаторомъ. Диктатура развивала свое полновластіе на почвѣ крови и розогъ, пресѣкая и отсѣкая все, стоявшее на ея пути.

Это былъ полный апофеозъ произвола, произвола узаконеннаго, съ которымъ отдѣльнымъ личностямъ борьба была не подъ силу.

Сибирь стонала и жаловалась, доносила и плакала. Въ Петербургѣ на стоны и слезы не обращали вниманія; за ябеды и доносы наказывали жестоко въ самой Сибири. У населенія было отнято послѣднее средство противодѣйствія самовластію генералъ-губернаторскихъ чиновничковъ.

Самъ генералъ-губернаторъ И. И. Пестель считалъ болѣе удобной формой для осущест-

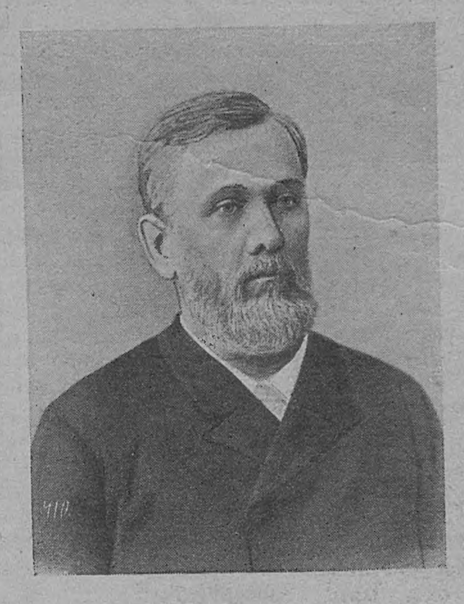
Гласный московскаго земства и думы бывшій профессоръ С. А. Муромцевъ.

Присяжный повѣренный округа московской судебной палаты. В. А. Маклаковъ.

Присяжн. повѣр. округа моск. суд. палаты, предсѣд. „Музея труда" при моск. отд. русск. технич. общ. Н. К. Муравьевъ.

Н. Ѳ. Рихтеръ, предсѣдатель московской земской управы.

Н. Н. Баженовъ, извѣстный психіатръ и земскій дѣятель.

Извѣстный земскій дѣятель Н. Н. Ковалевскій, харьковскій губернскій гласный.

Русскіе общественные дѣятели.

вленія полной власти жить въ Петербургѣ и оттуда наблюдать за ходомъ дѣлъ. Въ Сибири его именемъ правилъ губернаторъ Трескинъ—лицо, замѣчательное въ галлереѣ сибирскихъ типовъ.

Трескинъ былъ полнымъ хозяиномъ губерніи. Въ уѣздахъ такими же полными хозяевами были ставленники губернатора.

Все, мало-мальски способное къ протесту, было убрано; все живое, честное отставлено. У кормила власти стояли отъявленные плуты, казнокрады, лихоимцы, изверги и взяточники.

Губернское правительство для собственной безопасности не стѣснялось въ средствахъ. Оно хватало и засаживало безъ суда и слѣдствія въ остроги чиновниковъ и купцовъ, въ чемъ-либо оказавшихъ неповиновеніе власти.

„Полиціи иркутской было оффиціально предписано: посредствомъ прислуги и другими всевозможными путями узнавать, не составляется-ли гдѣ комплота противъ начальства и не готовятся-ли жалобы высшему начальству".

II

Генералъ-губернаторъ, жившій въ Петербургѣ, не желалъ слышать никакихъ жалобъ. Одинъ изъ иркутскихъ чиновниковъ, рѣшившійся ѣхать въ Петербургъ съ жалобой отъ мѣстныхъ купцовъ, встрѣтилъ тамъ весьма радушный пріемъ: у заставы Петербурга чиновника схватили и повезли въ Архангельскъ.

Для „среднихъ членовъ общества", особенно не удобныхъ губернскому правительству, была придумана особая мѣра наказанія: они ссылались безъ суда и слѣдствія, безъ лишенія прежняго званія, въ болѣе или менѣе отдаленные края отъ мѣста прежняго жительства. При этомъ въ случаяхъ особо-важныхъ примѣнялась даже такая чисто-инквизиціонная мѣра: заподозрѣнное лицо выселялось изъ одной губерніи въ другую, причемъ генералъ-губернаторъ предписывалъ своимъ подчиненнымъ, чтобы начальники губерній не дозволяли высылаемому проживать въ городахъ болѣе нѣсколькихъ дней.

Лица, навлекшія особый гнѣвъ губернскаго правительства, заключались въ одиночную, напрасно ожидая справедливаго суда. Судебныя дѣла тянулись по десяткамъ лѣтъ и прекращались нерѣдко за смертью обвиняемаго.

Все это было въ порядкѣ вещей.

Несмотря на патріархальность нравовъ и бдительное око губернскаго правительства, въ немъ самомъ завелась „крамола". „И братъ возсталъ на брата". Двѣ экспедиціи, изъ которыхъ состояло „правительство", перессорились изъ... за... хлѣба.

Исполнительная экспедиція въ лицѣ губернской власти, объявила въ губерніи неурожай. Казенная экспедиція отрицала таковой. Губернская власть заготовляла для городскихъ запасныхъ магазиновъ нѣсколько лѣтъ сряду огромное количество хлѣба, причемъ въ роли скупщиковъ и хозяевъ выступала полиція. Полиція скупала хлѣбъ по деревнямъ для городскихъ магазиновъ, казенная экспедиція сидѣла безъ хлѣба и горевала, что населеніе останется безъ вина.

По слѣдамъ полицейскихъ чиновъ за хлѣбомъ въ деревни устремились чины казенной экспедиціи.

Членъ казенной экспедиціи составилъ рапортъ по начальству, чиновникъ земской полиціи запротоколилъ дѣйствіе члена, обвиняя послѣдняго, что тотъ разъѣзжалъ по селеніямъ, не доплативъ прогоновъ въ суммѣ одного рубля двадцати пяти копѣекъ, назывался начальникомъ и былъ „въ подгулкѣ"; за это преступленіе чиновника предали суду.

Споръ двухъ экспедицій дошелъ до того, что губернаторъ „провозгласилъ вице губернатора и его товарищей—отложившимися отъ всякой зависимости и уваженія къ начальнику губерніи, облеченному властію генералъ-губернатора, превзошедшими всю мѣру его терпѣнія, формальными доносчиками, нарушителями порядка, людьми, творящими дѣла необыкновенныя и примѣрныя",—словомъ, явными бунтовщиками и отчаянными революціонерами, вышедшими изъ предѣловъ всякой законности.

III.

„Безмолвное повиновеніе губернаторской власти"—объявлялось обязательнымъ условіемъ для всего существующаго и живущаго въ Сибири. „Молчи и повинуйся"!—такова была система сибирскаго управленія.

Всякая жалоба на произволъ начальства считалась доносомъ. Доносы преслѣдовались всѣми мѣрами. Сибирь въ царствованіе Императора Александра Благословеннаго, по выраженію одного изъ самыхъ „благонамѣренныхъ гражданъ Россійской Имперіи", носила на себѣ иго времени Іоанна Грознаго". Въ числѣ представителей губерніи находились люди, не только опороченные общественнымъ мнѣніемъ, но и понесшіе уже кары за воровство... Впрочемъ, казнокрадство и воровство несчитались особымъ преступленіемъ. „Кради, но не попадайся", былосвоеобразнымъ девизомъ этой губернской опричины, отъ дѣйствій которой стонало населеніе. При ревизіи Сперанскаго мѣра казеннаго взысканія съ „сибирскаго начальства" была исчислена въ три милліона рублей.

Губернаторъ былъ деспотомъ въ губерніи, исправникъ изображалъ такого же деспота въ уѣздѣ. Сѣченіе было единственнымъ и любимымъ воздѣйствіемъ. „Плохо вспахана земля —сѣкли, не чисто во дворѣ или избѣ—сѣкли; прорѣха на рубахѣ или сарафанѣ—сѣкли; сѣкли за все и про все! Но Боже сохрани, если случалось, что въ деревнѣ покража, особенно, если украли что у проѣзжаго или срѣзали ящикъ, или тюкъ въ обозѣ: тогда сѣкли безъ пощады, безъ разбора все селеніе, отъ мала до велика, пока не открывался виновный".

„Бичуя маленькихъ воришекъ для угожденія большихъ", искренно были убѣждены, что все обстоитъ благополучно. Забытый, „лежавшій на полкѣ", законъ никого не смущалъ. Каждая даже мелкая сошка, почувствовавъ себя въ положеніи начальственномъ, объявляла громогласно, что для начальства никакой законъ не писанъ, и оно въ высокой мѣрѣ равнодушно ко всему, что выходитъ за предѣлы его личныхъ побужденій.

Неприкосновенность личности являлась въ глазахъ начальства пустою выдумкою пустыхъ людей. Исправникъ сѣкъ направо и налѣво. Отъ сѣченій не были застрахованы даже духовныя лица. Одному изъ протопоповъ пришлось въ качествѣ вещественнаго доказательства исправничьей расправы представить архіерею окровавленную рубашку.

„Вопль народный, писалъ архіерей высшему правительству, проникаетъ сквозь толстыя стѣны архіерейскаго дома".

Дѣйствительно, въ теченіе тридцати лѣтъ сквозь толстыя стѣны домовъ въ столицахъ не проникали вопли сибирскаго населенія, и оно покорно склоняло выю, всецѣло предоставленное на волю шайки разбойниковъ, именовавшихъ себя „губернскимъ правительствомъ".

Ревизія Сперанскаго вскрыла гнойную язву. Генералъ-губернаторъ, управлявшій Сибирью изъ Петербурга, былъ уволенъ. Губернатору, преданному суду, и, наконецъ, лишенному чиновъ и орденовъ, былъ запрещенъ въѣздъ въ столицы, но сама Сибирь все еще представляла „меланхолическую картину для людей чувствительныхъ".

IV.

„Неправды, вопіявшія въ странѣ безгласной", только черезъ тридцать лѣтъ дошли до Петербурга. Опальный геній-хранитель Александровскаго царствованія—Сперанскій командируется въ Сибирь, чтобы возстановить правду и начертать учрежденія для управленія „столь отдаленнымъ краемъ". Но въ самомъ Петербургѣ мрачный геній разрушенія—Аракчеевъ—правитъ тризну по золотымъ мечтамъ, которыя улыбались, еще такъ сравнительно недавно, самому Александру. Императоръ уже утомленъ жизнью, извѣрился въ сладость былыхъ мечтаній облагодѣтельствовать Россію свободными учрежденіями. Мысль о нихъ оставлена наверху.

„Безъ лести преданный" выдвигаетъ новые планы. . Но въ небольшой сравнительно партіи молодыхъ людей, недавнихъ свидѣтелей торжества Россіи, воспитанныхъ на европейскихъ идеяхъ, не замолкло стремленіе итти впередъ къ лучезарному идеалу благоденствія Россіи, а не къ аракчеевскимъ планамъ.

Объ одномъ изъ этихъ людей, павшихъ жертвой искупительной — К. Ѳ. Рылѣевѣ — вспоминаетъ съ трогательной любовью князь Оболенскій. До сихъ поръ воспоминанія эти, по причинамъ независящимъ или вѣрнѣе по вполнѣ зависящимъ отъ условія русскаго печатнаго слова, не могли появиться въ Россіи.

Теперь они воспроизведены почти полностью въ послѣдней книжкѣ „Всемірнаго Вѣстника".

Вспоминая безвозвратное прошлое, князь Е. П. Оболенскій останавливается на дѣйствіяхъ тайнаго общества и, сопоставляя ихъ съ докладомъ комиссіи и сентенціей верховнаго уголовнаго суда, онъ пишетъ:

„Нельзя отрицать истины, выраженной фактами, но по совѣсти могу и долженъ сказать, что въ горячечномъ бреду человѣкъ говоритъ то, чего послѣ не помнитъ. Такъ и тутъ: все, что было сказано въ минуты, когда воображеніе, увлекаемое сильно восторженнымъ чувствомъ, выговаривало въ минуты увлеченія—не можетъ и не должно быть принято за истину. Но верховный судъ не могъ быть тайнымъ свидѣтелемъ того, что происходило на совѣщаніяхъ, не могъ вникать въ нравственное состояніе каждаго: онъ произнесъ приговоръ надъ фактомъ, а фактъ былъ неотвержимъ!..".

Не лишенъ интереса разсказъ князя о памятномъ днѣ 14-го декабря.

„Рано утромъ я былъ у К—ія Ѳ—ча Рылѣева; онъ давно уже бодрствовалъ. Условившись въ дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ, я отправился къ себѣ домой по обязанностямъ службы. Прибывъ на площадь вмѣстѣ съ прибытіемъ московскаго полка, я нашелъ К—ія Ѳ—ча тамъ; онъ надѣлъ солдатскую суму и перевязь и готовился стать въ ряды солдатъ. Но вскорѣ ему нужно было отправиться въ лейбъ-гренадерскій полкъ для ускоренія его прихода. Онъ отправился по назначенію, исполнилъ порученіе, но съ тѣхъ поръ я его уже не видалъ. Много перечувствовалось въ этотъ знаменательный день; многое осталось запечатлѣннымъ въ сердечной памяти чертами неизгладимыми! Судъ надъ этимъ днемъ и надъ дѣйствіями общества въ этотъ день давно уже произнесенъ. Кто изъ насъ можетъ отрицать, что мы употребили во зло довѣренность къ намъ войска, что мы увлекли за собой людей простыхъ, которые чтили законную присягу, ими

принятую такъ недавно? Я, и многіе со мною изъявляли мнѣніе противъ этой мѣры; но необходимость, близкая, неотвратимая заставила отказаться отъ нравственнаго убѣжденія въ пользу дѣйствія, къ которому готовилось общество въ продолженіе стольких лѣтъ. Не стану говорить о возможности успѣха: едва ли кто изъ насъ могъ быть въ этомъ убѣжденъ. Каждый надѣялся на случай благопріятный, на нежданную помощь, на то, что называется счастливой звѣздой... но при всей невѣроятности успѣха каждый чувствовалъ, что обязанъ обществу исполнить данное слово, обязанъ исполнить назначеніе,—и съ этими чувствами, съ этими убѣжденіями въ неотразимой необходимости дѣйствовать, каждый сталъ въ ряды. Дѣйствія каждаго извѣстны: не стану отвергать той степени виновности, которую я принялъ на свою долю: она тяжело легла на душу!.. Но есть Высшій Судія,—есть и Высшій Примиритель! Первый строже всѣхъ земныхъ судей; но въ Его судѣ—неотразимомъ, вѣчномъ—есть и вѣчное примиреніе. Оно покрываетъ судъ".

V.

Любопытно сопоставить настроеніе членовъ комиссіи съ настроеніемъ самихъ заключенныхъ.

Въ то время, какъ участь послѣднихъ была заранѣе предрѣшена, и члены верховнаго судилища раздѣляли преступниковъ по разрядамъ, подыскивая мѣры наказанія (извѣстно, что суровый, безчеловѣчный приговоръ верховнаго суда былъ смягченъ для всѣхъ обвиненныхъ Императоромъ Николаемъ), заключенные давно порвали путы съ земнымъ. Ихъ духъ парилъ въ высь,—духъ членовъ комиссіи влачился по землѣ. Особенное отрѣшенное отъ сутолоки житейскихъ дѣлъ настроеніе овладѣло Рылѣевымъ. Его послѣдніе дни и письма всецѣло проникнуты такимъ настроеніемъ полнаго всепрощенія и примиренія съ жизнью и съ людьми.

„Прямой мудрецъ, онъ жребій свой вознесъ,
„Онъ предпочелъ небесное земному,
„И, какъ Петра, ведетъ его Христосъ
„По треволненію мірскому.
„Душою чистъ и сердцемъ правъ,
„Передъ кончиною подвижникъ постоянный,
„Какъ Моисей съ горы Нававъ,
„Узритъ онъ край обѣтованный!"

Такъ писалъ Рылѣевъ, выкалывая строки на кленовыхъ листахъ, замѣнявшихъ узнику бумагу.

Быть можетъ, этому въ значительной степени способствовалъ „постоянный собесѣдникъ, постоянный утѣшитель заключенныхъ, который съ первыхъ дней заключенія свято исполнялъ свой долгъ, какъ священникъ, какъ духовный отецъ, какъ единственный другъ заключенныхъ,—Петръ Николаевичъ Мысловскій, протоіерей Казанскаго собора. Онъ,—разсказываетъ князь Оболенскій,—зашелъ къ каждому, чтобы, по возможности, приготовить къ предстоящему исполненію приговора. Зная его скромность въ отношеніи тѣхъ предметовъ, которые не входили въ прямую его обязанность, какъ священника, я не смѣлъ спросить его сначала о предстоящей участи пятерыхъ, отдѣленныхъ отъ насъ и избранныхъ къ высшему испытанію. Наконецъ, предъ уходомъ, я рѣшился,—спросилъ: что же будетъ съ ними? Когда онъ прямо отвѣчать не могъ, онъ всегда отвѣчалъ загадочно. Его послѣднія слова въ этотъ день были: „Конфирмація—декорація". Я понялъ, что испытаніе будетъ, но что оно кончится помилованіемъ... И онъ былъ въ этомъ убѣжденъ и онъ надѣялся... Надежды не сбылись!

Пять человѣкъ были обречены на смерть.

Мрачное впечатлѣніе оставляетъ простая и правдивая повѣсть князя Оболенскаго о послѣднемъ днѣ осужденныхъ.

Въ полночь, въ сторонѣ крѣпостного коридора загремѣли засовы, загромыхали цѣпи, застучали приклады ружей. На эспланадѣ передъ крѣпостью выстроены войска. Заключенныхъ вывели.

„Вдали я видѣлъ пять висѣлицъ, видѣлъ пятерыхъ избранниковъ, медленно приближавшихся къ мѣсту роковому. Еще въ ушахъ моихъ звенѣли слова: „конфирмація—декорація"—еще надежда не оставляла меня. Съ нами скоро кончили: переломили шпаги; скинули одежды и бросили въ огонь; потомъ, надѣвъ халаты, тѣмъ же путемъ повели обратно въ ту же крѣпость. Я опять занялъ тотъ же нумеръ кронверкской куртины.

Избранныя жертвы были готовы. Священникъ Петръ Николаевичъ былъ съ ними. Онъ подходитъ къ К—ію Ѳ—чу и говоритъ слово увѣщательное... К—ій Ѳ—чъ взялъ его руку, поднесъ къ сердцу и сказалъ: „Слышишь, отецъ,—оно не бьетъ сильнѣе прежняго". Всѣ пятеро взошли на мѣсто казни,—и казнь совершилась безвозвратно!..

Такъ пали пять жертвъ, избранныхъ изъ среды насъ! Какъ жертвы искупительныя за грѣхъ общій,—какъ готовыя, спѣлыя грозди они упали на землю... Но не земля ихъ приняла, а Отецъ Небесный, который нашелъ ихъ достойными небесныхъ Своихъ обителей. Они отошли въ вѣчность, предочищенные отъ всего земного въ горнилѣ скорбей и внутреннихъ, и внѣшнихъ,—и, принявъ смерть, приняли вмѣстѣ съ нею и вѣнецъ мученичества, который не отнимется отъ нихъ во вѣки"!

Ник. Носковъ.

За Нарвскими воротами въ Петербургѣ.

I.

Мнѣ стыдно.

Стыдъ этотъ особенный.

Мнѣ стыдно за себя не какъ за личность, а какъ за человѣка, какъ за члена, за частичку великаго единаго цѣлаго человѣчества.

Это—стыдъ общественный.

Чувство общественнаго стыда — чувство сложное. Оно такъ же мучительно и жгуче, какъ и чувство стыда личнаго; но въ то же время оно какъ-то болѣе жутко и томительно.

Больно за себя, страшно за человѣка, — вотъ какъ бы формулировалъ я переживаемыя въ чувствѣ общественнаго сты а ощущенія.

Чувство общественнаго стыда въ малыхъ дозахъ мы переживаемъ каждый день.

Улица. Нищій. Жалкое рубище. Испитое хроническимъ голоданіемъ блѣдное лицо. Молящіе, заискивающіе глаза. Протянутая сухая, мозолистая рука. Вамъ стыдно. Вы или отводите глаза, или переходите на другую сторону, или тщательно выдавливаете изъ кошелька мелкую монету и суете ее въ руку, не глядя, спѣша, волнуясь.

Въ васъ заговорилъ общественный стыдъ.

Но вы скоро успокаиваетесь.

— Профессіональный нищій... Онъ, можетъ быть, богаче меня... Не подалъ я,—другой подастъ... Онъ уже, вѣроятно, набралъ,—вотъ мысли, которыя пробѣгаютъ въ вашей головѣ при видѣ отдѣльнаго, одного нищаго. Впечатлѣніе блѣднѣетъ; чувство общественнаго стыда стирается, улегается.

Не то, когда вы видите нужду, видите людей, много людей, можетъ быть, не совсѣмъ голодныхъ, но не доѣдавшихъ дни, недѣли, мѣсяцы, годы... Видите, какъ они день за днемъ боролись съ нуждой и были побѣждены ею. Робкіе, усталые, безвольные они не поднимаютъ на васъ молящихъ глазъ, а стыдливо прячутъ ихъ отъ васъ....

Чувство общественнаго стыда вспыхиваетъ тогда въ васъ яркой искрой и гнететъ, томитъ, безъ конца томитъ вашу душу... Чувство общественнаго стыда въ такой силѣ я испыталъ дважды въ своей жизни.

Въ первый разъ—на голодѣ, среди татаръ въ Казанской губерніи, шесть лѣтъ тому назадъ; во второй—вчера, среди безработныхъ, здѣсь, въ Петербургѣ, за Нарвской заставой.

Голосъ нужды изъ-за Нарвской заставы принесся въ Петербургъ.

Слабый, робкій, сдавленный голосъ не всѣ разслышали, а, можетъ, и не хотѣли разслышать.

Имѣвшіе чуткія уши и чуткія сердца услышали этотъ голосъ. Услышали и отозвались, кто какъ могъ.

— Не хотите-ли ѣхать со мной за Нарвскую распредѣлять собранныя товарищами деньги? — предложилъ мнѣ мой собратъ по перу.

Я задумался. Я зналъ, что мнѣ будетъ больно. Но... согласился. Ковырять свои раны иногда доставляетъ большее наслажденіе, чѣмъ утишать ихъ боль.

Извозчикъ живо домчалъ насъ до величественныхъ Тріумфальныхъ воротъ, воздвигнутыхъ въ честь какихъ-то, гдѣ-то и когда-то храбро проливавшихъ свою и чужую кровь полковъ.

— Тутъ уже начинаются рабочіе кварталы,—сказалъ мнѣ мой товарищъ.

Я оглядѣлся. Пышный, холодный, царственный Петербургъ былъ за нами.

Провинціальныя постройки, неуклюжія, захватанныя и людныя; провинціальная грязь; провинціальные узенькіе закоулочки и переулочки; провинціальная публика, пестро и смѣшанно одѣтая.

Группы рабочихъ,—въ пиджакахъ, синихъ блузахъ, шляпахъ и финляндскихъ картузахъ; группы городовыхъ—въ грязныхъ бѣлыхъ кителяхъ; группы женщинъ-работницъ—въ домашнихъ затрапезныхъ костюмахъ съ грязной, босой ребятней на рукахъ и у подоловъ.

Повертѣвшись въ грязныхъ переулкахъ, мы подъѣхали къ воротамъ того дома, гдѣ жилъ рабочій, обратившійся съ своей нуждой въ нашу редакцію и оставившій намъ нѣсколько адресовъ другихъ нуждающихся рабочихъ семей.

Насъ встрѣтила ребятня—грязная, заплатанная, съ рахитическими головами и тѣлосложеніемъ.

Слѣдуя указаніямъ, по шаткимъ, деревяннымъ, опаснымъ въ пожарномъ отношеніи, лѣстницамъ, мы, наконецъ, добрались до двери нашего знакомаго.

Въ крошечной передней,—она же и кухня,—хлопотливо возилась какая-то маленькая, худенькая, преждевременно состарившаяся женщина.

— Здѣсь живетъ такой-то?

— Здѣсь, здѣсь. Пожалуйте,—заторопилась женщина, пробѣжавъ по намъ робкими, конфузливыми глазами. — Захворалъ онъ только. Да встанетъ. Пожалуйте.

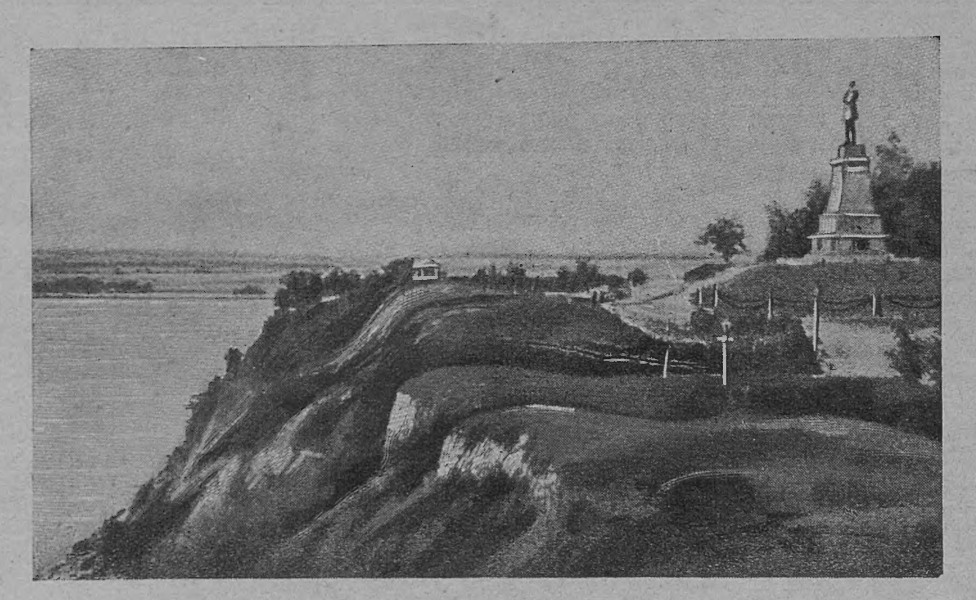
— Ваня,—просунулась она въ полуотворенную дверь.—Господа тебя спрашиваютъ.

Это названіе пробудило мой общественный стыдъ.

„Господа"... Да... „Господа".

И мнѣ стало стыдно, стыдно и своего костюма, и своей сытости и извозчика, ожидавшаго насъ у дома.

Мы вошли въ такую же малюсенькую ком-

Памятникъ графу Муравьеву-Амурскому въ г. Хабаровскѣ.

нату, бѣдно, убого обставленную, но чистенькую, хорошо прибранную.

На постели лежалъ рабочій, сравнительно еще молодой, съ хорошими, открытыми, немного страдальческими глазами.

Онъ былъ несомнѣнно боленъ.

Горячее сухое лицо и дрожь, пробѣгавшая по его тѣлу, говорили о лихорадочномъ состояніи при сильно повышенной температурѣ.

При нашемъ появленіи онъ приподнялся на локтѣ и стыдливо сталъ натягивать на себя одѣяло.

— Извините... Захворалъ вотъ... Простудился, должно, вчера... Я сейчасъ встану...

Несмотря на наши уговоры не вставать, лежать, онъ всетаки въ концѣ концовъ всталъ и одѣлся.

У его кровати сидѣлъ, грустно опустивъ голову, другой рабочій—молодой, съ блѣдно-зеленоватымъ лицомъ и съ усталыми, темными глазами.

— А вы, должно быть, тоже больны?—спросилъ я.

— Да, давно ужъ. Работу вотъ пришлось бросить,—отвѣтилъ онъ сиплымъ голосомъ.

— А работы начались на заводѣ?

— Начались,—отвѣтилъ за него хозяинъ. Да что... Одна проволочка... Изъ 38 мастерскихъ всего 11 работаютъ... Съ 15-го, говорятъ, пойдутъ въ ходъ.

— Ну, что жъ? Какъ?

— Да кто ее знаетъ. Напередъ сказать трудно,—уклончиво отвѣтилъ хозяинъ.

Туземцы на о. Сахалинѣ. — Борьба у гиляковъ.

Мы стали говорить о своемъ дѣлѣ.

Намъ хотѣлось взять въ провожатые кого-либо изъ рабочихъ, чтобы получить возможность хоть немного разобраться въ многочисленныхъ просьбахъ о пособіи.

Хозяинъ было вызвался, несмотря на нездоровье, сопровождать насъ, но мы рѣшительно отклонили его предложеніе, такъ какъ онъ видимо ослабъ и съ трудомъ перемогался.

На нашъ же вопросъ, знаетъ-ли онъ еще сильно нуждающіяся семьи, онъ сказалъ:

— Ну, этого-то добра, сколько вамъ угодно... Не далеко ходить... Въ этомъ же домѣ,— хоть изъ двери въ дверь.

— Всѣмъ мы не можемъ,—стыдливо замѣтилъ мой товарищъ.—Мы не много имѣемъ...

— Намъ бы хотѣлось помочь многосемейнымъ, хоть и понемногу.

— Тутъ и семейныхъ много.

Уладившись съ провожатыми, мы начали свой обходъ.

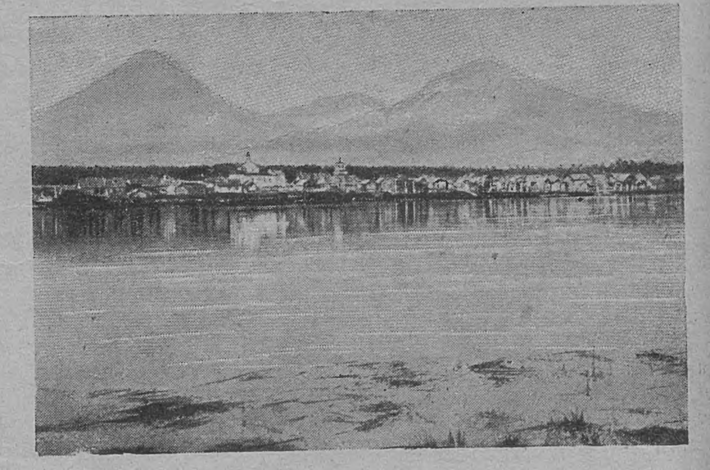
II.

Корридоръ былъ ужъ полонъ народомъ. Очевидно, вѣсть о пріѣздѣ „господъ съ пособіемъ" успѣла облетѣть весь домъ. Въ корридорѣ толпились женщины и дѣти. Мужчины только кое-гдѣ стыдливо выглядывали изъ щелей полуотворенныхъ дверей

— Зайдите, господа, къ намъ-то, посмотрите. Это вотъ сейчасъ, тутъ же, рядомъ, — говорила какая-то беременная женщина съ

Внутренняя бухта и рейдъ въ Петропавловскѣ.

С. Ключевское на Камчаткѣ, гдѣ были усмотрѣны японскія суда.

Со снимковъ корреспондента, автотипія „Иллюстрированныхъ Биржевыхъ Вѣдомостей".

Къ событіямъ у Тихаго океана.

Путиловскіе рабочіе и семьи ихъ за обѣдомъ.

Дѣти рабочихъ въ ожиданіи выдачи обѣдовъ.

желтыми гладко причесанными волосами и желтыми пятнами на изможденномъ лицѣ.

— Да, вѣдь, мы ужъ по записаннымъ адресамъ... У насъ немного... нѣсколько десятковъ рублей... мы только тѣмъ, у кого дѣти,—безсвязно бормотали мы съ товарищемъ, протискиваясь черезъ толпу.

вытаращивъ большіе голубые глазенки и засунувъ въ ротъ перепачканный въ чемъ-то пальчикъ. Я не утерпѣлъ и погладилъ ее по головѣ. Она быстро юркнула подъ фартукъ матери.

— Не бойся, дурочка... Чего ты... Они тебя не тронутъ... Они тебѣ молочка принесли... бѣлаго хлѣбца, — любовно сказала бе-

Чистота, порядокъ. На стѣнахъ—фотографіи въ дешевенькихъ рамкахъ; на окнахъ, въ деревянныхъ ящикахъ, цвѣты-лѣтники съ чахлыми, кривыми, хрустальными стеблями блѣдными, безкровными цвѣтами. Я невольно взглянулъ на дѣвчурку. Съ блѣднымъ, безкровнымъ личикомъ, съ кривыми, высохшими

Начало выдачи обѣдовъ.

Подача обѣдовъ изъ кухни въ столовую.

— Да у меня же есть дѣти... Вотъ эта моя. И еще тамъ есть... Зайдите, господинъ.

Хорошенькая пятилѣтняя дѣвчурка, съ блѣднымъ личикомъ, въ рамкѣ льняныхъ кудрей, съ любопытствомъ разсматривала насъ,

ременная женщина, положивъ свою исхудалую рабочую руку на головенку ребенка.

Мужество оставило насъ, — и мы съ товарищемъ очутились въ квартирѣ беременной женщины.

ноженками—она походила на этотъ цвѣтокъ. Оба жили безъ воздуха, безъ солнца, безъ пищи; оба были оторваны отъ земли и засажены въ деревянные ящики; оба „отцвѣтали не успѣвши расцвѣсть“.

По очереди за обѣдами.

Съ обѣдами домой.

Со снимковъ нашего фотографа, автотипія „Иллюстрированныхъ Биржевыхъ Вѣдомостей“.

За Нарвскими воротами, въ С.-Петербургѣ.—Въ Путиловской земской безплатной столовой.

— А вашъ мужъ гдѣ же? — спросилъ мой товарищъ.

— Пошелъ на заводъ... Посмотрѣть, не вывѣсили-ли объявленія... Все ждемъ... Вотъ откроютъ, вотъ откроютъ... Замучились совсѣмъ... Все позаложили... Ничего нѣтъ...

Выйдя изъ квартиры беременной женщины, мы снова очутились въ толпѣ, какъ будто еще возросшей.

— Теперь къ намъ... Рядомъ вотъ...

— А мы внизу...

— И къ намъ ужъ загляните...

Мы стояли съ товарищемъ и бормотали направо и налѣво свои стереотипныя фразы объ отсутствіи большихъ средствъ, объ адресахъ, о дѣтяхъ.

Но тотчасъ же получили законный отпоръ.

— Да и она вотъ не была записана, а вѣдь зашли же...

— У ней всего двое, а у меня ихъ четверо, малъ-мала-меньше.

— А у меня старики—десятерыхъ ребятъ стоять...

Они были правы. Мы сдѣлали „ложный" шагъ; выводы же изъ него дышали логической и, главное, жизненной правдой. Приходилось считаться съ послѣдствіями.

Волна насущной, неотложной нужды втягивала насъ въ свой водоворотъ.

И мы стали ходить съ лѣстницы на лѣстницу, изъ двери въ дверь. И вездѣ, вездѣ одно и то же. Вездѣ спрятанная, затаившаяся нужда, нужда больная, гордая, слегка насмѣшливая...

Да, насмѣшливая.

Да и какъ ей быть иной?

Не оплачена квартира, проѣдено платье, нѣтъ обѣда, чаю, даже хлѣба...

И вотъ приходятъ „господа съ пособіемъ", выспрашиваютъ эту затаенную, гордую нужду, и въ результатѣ—какіе-нибудь несчастные рубль—два, много три—четыре...

Стыдно было входить и уходить, стыдно было распрашивать, стыдно было бряцать несчастными рублями...

Съ каждой затворенной дверью чувство стыда наслаивалось, наростало... Хотѣлось бросить все, вскочить на извозчика и сказать обратно въ Петербургъ, въ холодный, царственный, красивый Петербургъ, за величественныя Тріумфальныя ворота, къ чудеснымъ дворцамъ и памятникамъ...

Но мы перемогли себя и совершали свой путь...

Наконецъ, домъ обойденъ.

Съ облегченнымъ сердцемъ затворяемъ дверь послѣдней квартиры.

Однако, толпа не уменьшилась. Она только обновилась въ своемъ составѣ.

— Это что-же? Любопытные?—тихо спрашиваю я нашихъ проводниковъ, двухъ симпатичныхъ молодыхъ рабочихъ съ открытыми честными лицами.

— Нѣтъ,—говоритъ одинъ изъ нихъ, конфузливо улыбаясь.—Это изъ сосѣдняго дома... Вонъ, черезъ дворъ... Они тоже просятъ васъ зайти...

— А адреса тамъ у насъ имѣются?—обращаюсь я къ своему товарищу.

— Кажется, нѣтъ,—отвѣчаетъ онъ, сосредоточенно разглядывая кучу адресовъ, написанныхъ на клочкахъ бумаги, вырванныхъ изъ дѣтскихъ тетрадей, рабочихъ и заборныхъ книжекъ и т. п.

— Да, нѣтъ,—утвердительно киваетъ онъ головой и въ недоумѣніи спрашиваетъ:— Такъ какъ же намъ? Итти?..

Наша нерѣшительность замѣчена.

Повторяется то же, что было послѣ посѣщенія нами квартиры беременной женщины.

Мы побѣждены, и въ густомъ кольцѣ женщинъ и дѣтей продвигаемся къ выходу изъ корридора на „задній дворъ".

Насъ обдаетъ нестерпимая вонь.

Мой товарищъ закрываетъ носъ рукой и задаетъ наивный вопросъ:

Отчего это у васъ такъ воняетъ?

— Задній дворъ... Отхожія мѣста тутъ—ямы...

И дѣйствительно, маленькій дворикъ заваленъ обломками кирпича, сора, битаго стекла, а около забора чернѣется огромная выгребная яма... И тутъ же бѣгаютъ дѣти рабочихъ,—босыя, перепачканныя, но съ быстрыми, любознательными глазенками и серьезными, какъ у большихъ, лицами.

Опять съ лѣстницы на лѣстницу, опять изъ двери въ дверь, опять та же нужда и та же жалкая, игрушечная помощь.

Осадки на душѣ все накопляются и накопляются.

Выходимъ.

У выхода нерѣшительно жмутся три дѣвчурки. Самой старшей изъ нихъ—лѣтъ семь—восемь.

Она смотритъ на насъ серьезными сѣрыми глазами. Видимо, что-то хочетъ сказать и не рѣшается.

Мы проходимъ мимо. Дѣвочка нерѣшительно слѣдуетъ за нами. Тянется за ней игривый хвостъ изъ двухъ другихъ дѣвчурокъ. Инстинктивно я угадываю, что ей что-то надо отъ насъ, и спрашиваю рядомъ стоящую женщину.

— Она изъ этого дома?

— Изъ этого. Вотъ ихъ и квартира, самая послѣдняя, внизу... Вы не заходили... У ней мать ушла въ больницу... Ребенокъ у ней боленъ.

Мы заходимъ въ „эту самую послѣднюю" квартиру. Она оказывается дѣйствительно „самой послѣдней".

Маленькая, сырая, неуютная, безъ картинъ, безъ цвѣтовъ, безъ украшеній. Мебель поломана, посуда искалѣчена, носильное платье на стѣнахъ отсутствуетъ.

Впереди кроватка. Въ ней больной ребенокъ, мѣсяцевъ 8—9, а, можетъ быть, и старше.

Маленькое, страдальческое, сморщенное, словно у старика, личико производитъ тяжелое впечатлѣніе. Глаза закрыты, ввалились; вѣки посинѣли, губки запеклись. Животикъ вздутъ и затвердѣлъ. Дыханіе тяжелое, рѣдкое, съ хрипомъ. Не то онъ спитъ, не то умираетъ.

Назойливыя мухи впиваются то въ глаза, то въ носъ, то въ губки. Ребенокъ не движется, не морщится, только губки его складываются въ какую-то не то страдальческую, не то покорную мину.

Не то онъ спитъ, не то умираетъ.

Умираетъ... Отчего?.. Зачѣмъ?—За что?—

III.

Перетащили насъ въ другой домъ,—черезъ улицу, напротивъ.

За нами слѣдовала толпа человѣкъ въ 10—15.

Около воротъ ближайшихъ домовъ стояли группы любопытныхъ женщинъ и дѣтей.

Едва затворились ворота, какъ насъ стали тащить за рукавъ, каждый въ свою квартиру.

На обширномъ дворѣ много было деревянныхъ флигелей, и мы не знали, къ какому прежде всего направиться.

Наконецъ, чтобы не оставаться въ нерѣшительности, мы вошли въ первый стоявшій на нашемъ пути флигель.

Опять съ лѣстницы на лѣстницу. Опять та же самая нужда—покрытая и непокрытая. Опять такія же лица—растерянныя и истомленныя съ застѣнчиво-молящими глазами.

Изъ каждой квартиры мы выходили усталыми, разбитыми, пристыженными. Въ головѣ назойливо вертѣлась мысль: Да стоитъ ли?.. Ну, развѣ можно разобраться тутъ, кто больше нуждается, кто меньше? Всѣ они нуждаются. Почему же мы тогда должны заходить въ эту квартиру, а не заходить въ ту?

И мы безпомощно бросали направо и налѣво:

— У васъ сколько дѣтей? А у васъ?

Заходили, смотрѣли, давали, уходили.

— Вы прошли меня... У меня цѣлыхъ четверо... Я послѣднюю машинку заложила,—услышалъ я сзади себя тихій, слегка вибрирующій женскій голосъ.

Обертываюсь. Прислонившись къ косяку окна, стоитъ еще молодая, но уже состарившаяся женщина въ заплатанномъ ситцевомъ, замазанномъ около печки, платьишкѣ. Голова не причесана; на глазахъ слезы.

Входимъ... Словно непріятель воевалъ. Голыя стѣны, голые столы, раскрытая кровать. Въ уголку пріютился токарный по металлу станокъ.

Со стола сиротливо глядѣла на насъ книжка съ изображенной на обложкѣ швейной ножной машинкой.

Картинка осталась, а вмѣсто машины... женщина совала намъ въ руки пачку разноцвѣтныхъ квитанцій изъ ломбардовъ.

И мы прошли было мимо этой обнаженной, но стыдливой, тоскующей нужды.

Прошли... Тяжело, больно, стыдно...

А въ дверяхъ насъ уже ждалъ 13—14-ти лѣтній мальчуганъ въ темной люстриновой засаленной рабочей блузѣ, безъ пояса. Мальчуганъ держался бойко, развязно, размашисто. Очевидно, онъ считалъ себя уже взрослымъ и увлекался фабричнымъ „ухарствомъ".

— Вы ужъ и къ намъ зайдите... Отца у меня нѣтъ... пропалъ... работы не найдешь... Сидимъ не ѣвши...

— А гдѣ же отецъ?

— Пропалъ... Еще съ апрѣля... Пошелъ на работу и не вернулся...

Зашли.

Какой то темный уголъ—разореный, грязный, похожій больше на берлогу, чѣмъ на человѣческое жилье.

— А мать гдѣ?

— Пошла навѣщать...

Мы остановились въ нерѣшительности: „Давать или не давать? А что, какъ этотъ „хахаль" спуститъ деньги до прихода матери?"

Мальчуганъ замѣтилъ нашу нерѣшительность и словно проникъ въ наши мысли.

— Чего боитесь?.. Отдамъ... Говорю, безъ хлѣба сидимъ... При сусѣдяхъ даете... — не одинъ на одинъ, — сказалъ онъ съ кривой, немножко презрительной усмѣшкой тонкихъ, безкровныхъ губъ.

И какъ бы въ доказательство своей зрѣлости и домовитости, онъ бережно завернулъ полученныя деньги въ клочекъ газетной бумаги и сунулъ ихъ въ задній уголъ облупленнаго, искалѣченнаго комодика...

— За... за... зай-ди-те ко мнѣ то,—заикаясь, тянулъ за рукавъ моего товарища какой то маленькій, приземистый рабочій съ бородкой.—У... у... у меня жена р... р... родила...—крестить н-не на что...

Вошли.

Трое ребятъ грязныхъ, необмытыхъ. Убогая обстановка. Въ углу, у двери кровать На ней, подъ простыней, родильница съизможденнымъ, страдальческимъ лицомъ въ желтыхъ пятнахъ. На правой, оголенной, сухой рукѣ ея—лежалъ бѣлый, безформенный свертокъ. Это былъ—только-что появившійся на свѣтъ Божій рабочій, будущій „апостолъ труда и терпѣнья".

Зачѣмъ онъ родился? Что его ждетъ? Жизнь для работы, работа для жизни. Тяжелая работа, тяжелая жизнь!..

— А мы чѣмъ же виноваты, что холостые...

И холостые ѣсть хотятъ... Не руку же протягивать, — говорили молодые рабочіе, окруживъ насъ на дворѣ.

Правда, конечно. Но что же намъ было дѣлать?.. Мы не могли покрыть всю нужду,—а мы остались „тверды"...

Тверды!.. Какое это жестокое слово.

Переѣхали на другую улицу,—узкую, кривую, грязную. Отыскали указанный въ адресѣ домъ. Зашли.

Образовавшаяся около насъ толпа моментально заполнила всѣ корридоры. А съ улицы прибывалъ новый народъ, изъ сосѣднихъ домовъ. Мы были какъ бы въ осадѣ.

Посовѣтовавшись съ проводниками-рабочими, мы съ товарищемъ рѣшили прекратить раздачу, собрать адреса и затѣмъ уже, разобравшись въ семейномъ положеніи, оказать помощь исключительно многосемейнымъ.

Объявили. Адреса посыпались на насъ со всѣхъ сторонъ. Десятки рабочихъ, исхудалыхъ рукъ съ клочками бумажекъ, исписанныхъ каракулями, протянулись къ намъ.

Собрали, бережно уложили въ карманъ и ушли, оставивъ послѣ себя надежду... недовѣрчивую надежду.

— Ужъ сколько мы этихъ адресовъ давали, а все ничего... Другіе по два раза получили, а мы еще и по одному не получили...

— Да мы не брали еще у васъ адресовъ...

— Не вы, такъ другіе .. Все равно.

Да, не мы, такъ другіе... Все равно—„господа"... Непріятное это слово, обидное какое-то...

— А столовыя у васъ есть? Безплатныя?—спросилъ я у одного изъ провожатыхъ рабочихъ.

— Есть одна,—„то правда, платная,—при заводѣ... А безплатныхъ—одна на этой улицѣ... и на шоссе еще одна—земская.

— Земская далеко?

— Нѣтъ. Мимо пойдемъ.

Земская столовая помѣщалась на шоссе, въ зданіи училища, въ садочкѣ за рѣшеткой. Двѣ пестрыя ленты изъ людей стояли, дожидаясь своей очереди. Тутъ были и женщины, и дѣти, и взрослые рабочіе, и подростки.

Было 12 часовъ—начало обѣда.

Ребятишки обоихъ половъ и разныхъ возрастовъ уже шумѣли въ столовой, — темной, низенькой, узкой и довольно грязной комнатѣ,—за длинными деревянными столами съ деревянными же приставными скамейками.

Около нихъ суетилась какая то маленькая, сухенькая женщина съ растрепанной прической и сбившимся на сторону фартукомъ. Время отъ времени она прикрикивала на расшумѣвшихся ребятишекъ и даже топала на нихъ ногой. Шумъ на минуту затихалъ, ложки начинали работать усерднѣе, внимательнѣе, но говоръ скоро переходилъ въ шумъ.

За столами у задней стѣны расположились степенные рабочіе. Они ѣли не спѣша, методически, какъ работаютъ.

— Сколько же у васъ обѣдаетъ ежедневно?—обратился я къ маленькой, сухенькой женщинѣ, оказавшейся завѣдующей столовой.

— Когда какъ... Человѣкъ 700—800.—Доходило и до тысячи.

— А на домъ обѣды отпускаете?

— Какъ же, какъ же... Видите, вонъ, толпа у другихъ дверей стоитъ... Тамъ—кухня.. Они приходятъ съ своей посудой и берутъ по очереди... И хлѣба даемъ.

— На какія же средства содержится столовая?

— А вотъ видите... Да пойдемте вотъ сюда... Я вамъ разскажу.

Мы вошли въ отгороженную маленькую комнатушку, скорѣе какую-то будочку, сплошь заваленную разнымъ хламомъ. На маленькомъ столикѣ навалены были талонныя книжки; отрывные листочки изъ этихъ книжекъ, сшитые пачечками, громоздились тутъ же въ полномъ безпорядкѣ.

— Вотъ видите... Столовую эту открыло земство. Боялось холеры.... Обѣды были сначала платные... И въ первый мѣсяцъ столовая оправдала себя... Потомъ вотъ тутъ пошла безработица... Платить стало нечѣмъ... Стали отпускать немного обѣдовъ безплатно... Нужда все росла. . Стали приходить пожертвованія... Обѣды стали выдаваться безплатно всѣмъ... А теперь вотъ всѣ ко мнѣ такъ и льнутъ съ своей нуждой.. Кому сапоги, кому за квартиру, кому на крестины, кому на похороны... Совсѣмъ завалили письмами... Посмотрите..

И она вытащила изъ парусиноваго расшитаго мѣшечка, висѣвшаго на стѣнѣ, цѣлую груду писемъ, записокъ, адресовъ, писанныхъ на обрывкахъ бумаги каракулями. Высыпавъ передъ нами эту груду бумаги, говорившую о нуждѣ и горѣ, о голодной безпросвѣтной жизни „апостоловъ труда и терпѣнья", завѣдующая убѣжала съ талонною книжечкой въ рукахъ, чтобъ впустить новую партію обѣдающихъ.

Я выглянулъ изъ будочки. Толпа нетерпѣливо напирала въ двери. Каждый получалъ отъ завѣдующей талонъ; затѣмъ тотчасъ же талонъ этотъ отбирался ея помощникомъ изъ рабочихъ и опускался въ кружку. Послѣ эти талоны сшивались для подсчета количества выданныхъ обѣдовъ. О строгой отчетности и контролѣ при такой системѣ, конечно, нечего и говорить. Единственный контролеръ тутъ—совѣсть.

Пока новая партія обѣдающихъ усаживалась, я пробѣжалъ нѣсколько писемъ рабочихъ о помощи.

Привожу одно изъ нихъ съ сохраненіемъ орѳографіи:

„Много увожаемое Общество покровительства о бедныхъ умоляю Васъ помогите мнѣ бедный женьщины сколько будетъ Ваша милость у меня двое детей малолетнихъ и больной мужъ я теперь незнаю что и делать чемъ кормится будте милостивы не откажите въ моей прозбы Снитерпеніемъ ожидаю Вашей милости".

В. В. Кирьяковъ.

Самоубійство приватъ-доцента.

Нѣсколько дней тому назадъ молодой ученый, медикъ по спеціальности и талантливый лекторъ, докторъ Борхертъ свелъ счеты съ земной жизнью, принявъ изрядную дозу сублимата. Въ Берлинѣ привыкли къ самоубійствамъ, число ихъ очень велико, о нихъ читаютъ въ газетахъ въ отдѣлѣ хроники и затѣмъ забываютъ. Но случай съ докторомъ Борхертомъ—изъ ряда вонъ выходящій и поднялъ цѣлый переполохъ въ медицинскомъ мірѣ.

Докторъ Борхертъ стучался въ двери берлинскаго университета, ему хотѣлось получить каѳедру, а профессора медицинскаго факультета его ходатайство о назначеніи приватъ-доцентомъ отклонили безъ указанія какихъ-либо мотивовъ.

Борхертъ почувствовалъ себя глубоко оскорбленнымъ и, сознавая свое безсиліе въ борьбѣ противъ профессорской коллегіи, рѣшилъ уйти совсѣмъ и навсегда.

Трудно жить, когда лучшія надежды разбиты, когда всякое другое дѣло, кромѣ горячо любимаго, кажется безцѣльнымъ и пустымъ. Но докторъ Борхертъ не имѣлъ никакого основанія причислять себя къ числу лишнихъ людей; ему предстояла блестящая дѣятельность практическаго врача съ большимъ именемъ. Онъ только почувствовалъ себя оскорбленнымъ, хотя зналъ, что отказъ получили кромѣ него еще 12 лицъ, желавшихъ стать приватъ-доцентами. Да и какъ было не оскорбиться, когда молодой ученый обратилъ на себя вниманіе своими трудами, когда профессоръ Эшельманъ, первымъ ассистентомъ котораго онъ состоялъ, рекомендовалъ Борхерта, какъ выдающагося и дѣльнаго клинициста. Ясно, что тутъ личное оскорбленіе, а если такъ—то незачѣмъ больше жить. И онъ отравился.

Профессоръ Эшельманъ сдѣлалъ все, что могъ, чтобы спасти своего ассистента, онъ давалъ ему противоядіе, звалъ на помощь другихъ профессоровъ, но тщетно; ядъ сдѣлалъ свое дѣло. Борхертъ, принявъ большую дозу сублимата, сидѣлъ у себя въ квартирѣ и ждалъ смерти, когда къ нему пришелъ профессоръ Эшельманъ звать его въ театръ. „Благодарю за любезное вниманіе,—отвѣтилъ онъ гостю,—но я не могу ѣхать въ театръ, да и незачѣмъ, все-равно скоро меня не станетъ". Узнавъ въ чемъ дѣло, профессоръ Эшельманъ упалъ въ обморокъ. На слѣдующій день съ нимъ случился ударъ, жизнь его теперь въ опасности.

Весьма понятно, въ университетскихъ кругахъ только и говорятъ о самоубійствѣ Борхерта. Одному изъ товарищей Борхерта, также тщетно домогавшемуся приватъ-доцентуры, кто-то изъ профессоровъ замѣтилъ: „Борхертъ не долженъ былъ поступать такъ круто съ собою; онъ былъ молодъ и могъ бы ждать. Но если бы вы покончили съ собою, вотъ это я понималъ бы, это было бы естественно". Неудавшійся приватъ-доцентъ попросилъ извиненія за то, что, вопреки логикѣ и здравому смыслу, онъ намѣренъ пожить еще.

Дѣло, однако, очень серьезное. Университетскія каѳедры въ нѣкоторыхъ семействахъ давно уже стали чѣмъ-то наслѣдственнымъ, онѣ переходятъ отъ отца къ сыну, отъ дяди къ племяннику, и такъ какъ будущій профессоръ долженъ обязательно раньше быть приватъ-доцентомъ, то, понятно, и приватъ-доцентура достается по наслѣдству. Вотъ почему въ медицинскомъ мірѣ и сложилась поговорка: „Кто желаетъ стать приватъ-доцентомъ, долженъ имѣть дядю или тестя, если у него нѣтъ отца". Такъ, впрочемъ, дѣло обстоитъ и на другихъ факультетахъ берлинскаго университета, и едва-ли дѣлу поможетъ обмѣнъ съ Америкой профессорами, обмѣнъ придуманный императоромъ.

Собственно, никто не знаетъ, къ чему приведетъ этотъ обмѣнъ. До сихъ поръ американцы выписывали профессоровъ изъ Германіи. Германскіе же университеты никогда не приглашали американцевъ на каѳедры. Зато американцы рѣшили теперь примѣнять къ своимъ университетамъ доктрину Монроэ въ измѣненномъ видѣ: американскія каѳедры для американцевъ. Посмотримъ, какъ справится министръ народнаго просвѣщенія, докторъ Штудтъ, съ задачей, которую поставилъ ему императоръ, какъ онъ будетъ замѣщать германскія каѳедры американскими учеными, когда своимъ роднымъ ученымъ приходится ждать годами вакансіи, а иногда кончать съ собою, дабы не ждать всю жизнь.

И. Оленикъ.

Берлинъ,
въ августѣ 1905 г.

Подполковникъ
І. Рутковскій,
ран. подъ Мукденомъ.

Подпоручикъ
Сакварелидзе,
ран. подъ Мукденомъ.

Поручикъ
О. Ульяновскій,
раненъ.

Лейтенантъ
Ѳ. Шамшевъ,
тяж. ран. у о. Цусима.

Поручикъ
П. Орловскій,
† въ Портъ-Артурѣ.

Подполковникъ
В. М. Лосковъ,
тяж. ран. у д. Сандепу.

Подполковникъ
А. Морозовичъ,
тяж. кон. у д. Салинпу.

Сынъ его, подпоручикъ
П. Морозовичъ,
тяж. ран. у д. Салинпу.

Поручикъ
М. Янковскій,
отличился въ бою.

Прапорщикъ
В. Н. Бухало,
ран. подъ Мукденомъ.

Подпоручикъ
А. Занковичъ,
ран. и взятъ въ плѣнъ.

Прапорщикъ
Н. Тевелингъ,
отличился въ бою.

Шт.-кап. 140-го пѣх. зарайскаго полка
С. Полянскій,
раненъ.

Подполковникъ
А. Голицынскій,
защитникъ Орлинаго гнѣзда.

Штабсъ-капитанъ
А. Г. Теръ-Нерсесовъ,
раненъ.

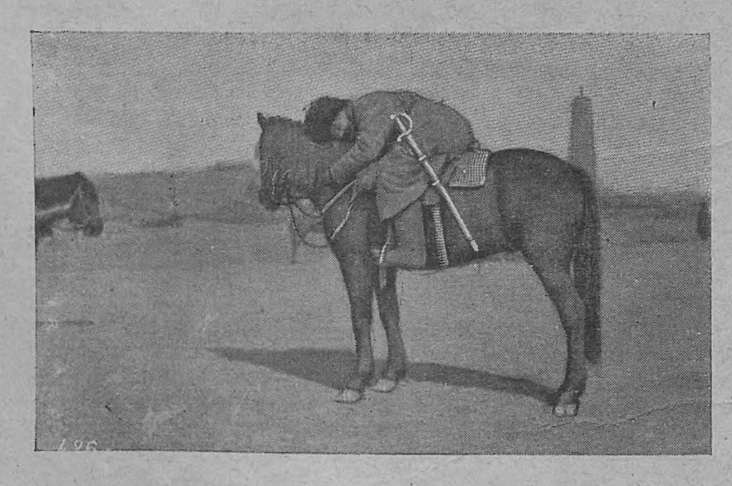
Шт.-кап. 138-го пѣх. болховского полка
Н. Н. Озеровъ,
раненъ.

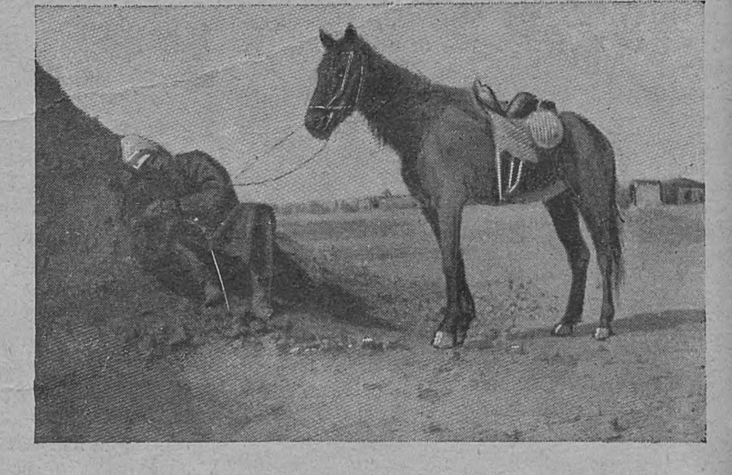
Поруч. 20-го стрѣлк. полка
Н. Знаменскій,
убитъ при Сандепу.

Кап. 244-го пѣхотн. борисоглѣб. полка
А. Мочаловъ,
убитъ подъ Мукденомъ.

Офицеръ, заснувшій на лошади отъ переутомленія, въ трехъ верстахъ на сѣв.-западъ отъ Мукдена.

У деревни Мадяпу. — Съ экстреннымъ донесеніемъ.

Съ фотографій В. С. Банелевича, автотипія „Иллюстрированныхъ Биржевыхъ Вѣдомостей“.

Типографія „БИРЖЕВЫХЪ ВѢДОМОСТЕЙ“ (С. М. Проппера), Спб., Мѣщанская, № 25. Редакторъ-издатель „Иллюстрированныхъ Бирж. Вѣдом.“ С. М. Проппѣръ.